

Оглавление

Пролог	5
Часть первая. ХЛЮПИК	11
Часть вторая. ДОЛЖОК	133
Часть третья. В ТУМАНЕ	247
Эпилог	376

Пролог

По счастью, он в меня не попал. Сначала был выстрел, потом звякнуло совсем рядом. Противный такой звук, как будто шкрябнули металлом о металл. На самом деле так оно и было, но подумать об этом я уже не успел. Пуля от ricoшетила от огромной металлической трубы, за которой я присел перевести дыхание. Ухо дернуло болью, по шее потекло что-то влажное и горячее. Я тихо чертыхнулся и пополз в сторону. Надо было срочно менять место дислокации. Зона — не детский сад. В прятки тут играть можно, но только перепрятываться надо постоянно. А то рискуешь нарваться на того, который водит, и...

Я замер, собираясь с силами и настраивая себя на рывок. Мысленно сосчитал до трех и метнулся к бетонным блокам, грудой наваленным в десяти метрах от трубы. Застрекотал АК. Сзади бурунчиками взвилась земля, зачмокало, полетела бетонная крошка. Но я был уже в безопасности. Относительной безопасности.

— Эй, ушлепок, — позвал хриплый голос. — Ты еще живой?

За время нашей игры в прятки с догонялками он задавал мне этот вопрос в третий раз. И, судя по интервалам от одного «Эй, ушлепок» до другого, голос мой противник подавал, пока перезаряжал «калаш».

Я не стал отвечать. Зачем лишние слова? Резко распрямившись, я выкинул вперед руку с БП и нажал на спуск.

Перед моим открытием — небольшое открытое пространство. По ту сторону пятачка торчали искореженные деревья. Змеились от ангара к туннелю рельсы, на которых стояла пара заброшенных неизвестно кем неизвестно когда железнодорожных вагонов. За одним из них и притаился мой стрелючий друг.

Руку привычно дернуло отдачей. Первая пуля пошла наудачу, второй и третий раз я стрелял уже точно зная, где находится мой противник. Попасть в него было нереально при всем желании, разве что таким же дурным рикошетом, каким мне порвало ухо. Впрочем, на дурные рикошеты никто и не рассчитывал. Добивался я другого — и добился.

Противник выматерился и скрылся за вагоном. Я дернулся вдоль блоков, но на полдороге резко остановил движение и на пределе возможностей рванул обратно за трубу. Молясь, чтобы он не успел меня увидеть, кинулся на землю, перекатился и посмотрел назад.

Застрекотали выстрелы. От блоков посыпалась бетонная крошка. Либо мой разозлившийся приятель не заметил маневра, либо решил подыграть. Так или иначе, валиться за трубой в данной ситуации не лучшее занятие. И я пополз вдоль трубы, изображая из себя пластуна.

У дальнего края трубы пришлось остановиться. Перевернувшись на спину, я запустил пятерню в карман. Пальцы нашупали патроны. Остатки былой роскоши. Я не отсчитывал, отмахнул горсточку навскидку и потянул на себя. Это поначалу стрелять трудно, заряжать трудно, чистить оружие трудно. Собрать и разобрать вообще непостижимая наука. Поначалу. Человеку поначалу все трудно, но со временем любой навык доводится до автоматизма. Мозг фиксирует схему и ставит ее выполнение на автопилот. Мозгу абсолютно все равно, что доводить до автоматизма. С одинаковым равнодушием он ставит на автомат мытье посуды, вождение машины, глажку рубашки или убийство людей.

Я не считал патроны. Просто рука машинально вытащила восемь штук, а пальцы машинально запихали их в обойму.

Стрельба по ту сторону прекратилась. Теперь был слышен только дождь. Серый, тоскливый, морозящий. Он шлепал по Зоне своими тоненькими кислотными лапками уже несколько часов, благодаря чему я лежал сейчас в раскисшей грязи. Несмотря на конец августа, погодка в последние дни установилась осенняя. Ладно, лирика это все.

От трубы можно было махнуть до забора, окольцовывающего со всех сторон ангар, а потом ломануться бегом прочь от места перестрелки. А можно было тихонько переместиться по кустам ближе к любителю справляться о моем здоровье и пристрелить его по-родственному. При условии, что соперник один, далеко и в неведении, первый вариант был бы выигрышным, если б не одно но. Он был бы выигрышным в любом другом месте, вот только в Зоне не бегают. Лучше сразу застрелиться. Это быстрее и безболезненнее.

Очень осторожно я высунулся из-за трубы. От этого ее края место расположения моего противника, если он его, конечно, не сменил, видно не было. Меня это вполне устраивало. Стараясь двигаться бесшумно, я потрусил за кусты. Присел, вглядываясь сквозь ветки. Никакого шевеления. Не то мой соперник меня переигрывает, не то ждет, когда я высунусь из-за бетонных блоков. А может, решил, что я труп, и ушел? Не-е-ет, надо быть законченным идиотом, чтобы оставлять у себя за спиной недобитого противника. Зона таких не прощает. Потому и законченных идиотов здесь не водится.

Следующей точкой было древнее дерево с непомерно широким стволом. Именно из-за него совсем недавно я položил сотоварищей моего хрипато́го друга. Их было двое, они гнали меня, как возбужденные фокстерьеры замерзшего и голодного лиса. Довольные собой глупые фокстерьеры. А лис притаился, подождал и напал первым. Одной гранаты оказалось достаточно, чтобы уложить обоих. Хрипато́ый оказался самым умным из этой гоп-компании: и сразу вперед не рвался, и теперь предпочитал сидеть и ждать, пока жертва высунется. То есть пока я высунусь. Ну да я тоже не дурак.

Взвешивая каждое движение, я переместился вперед. Застыл, уже имея возможность оценить происходящее вокруг, но все еще сливаясь с кустами. Хрипато́го в зоне видимости не было, и я одним плавным, но быстрым маневром отделился от кустов и перетек под сень дерева. Повернувшись, прижался спиной к стволу и замер.

Прислушался. Тишина. Только шуршит тошнотворный дождь и далеко перекатывается игривый лай, с каким слепые псы гоняются друг за другом со склона одного холма на склон другого.

Затаив дыхание, я сполз спиной по стволу, опустил на корточки и вскинул пистолет.

Где он? Не мог же, в самом-то деле, уйти? Допустим, он бросил бы своих корешей-покойников. Нормальная ситуация, с трупами в Зоне не церемонятся. Хотя карманы им выпотрошить — тоже в порядке вещей. Но бросить меня с моим хабаром, на который эти трое изначально и нацелились... Нет, как говорил какой-то известный мужик: «Не верю!» Значит, хрипатый притаился за вагоном и ждет. А может, и не ждет, а давно уже обошел нашу полянку по широкой дуге и приближается ко мне со спины.

Я вздрогнул и мысленно выругался. Еще вот только паранойи не хватало для полного счастья. Спокойно. Не мог он меня обойти. Тогда где он? Ну не сидит же до сих пор за вагоном? Или сидит?

Слух напрягся до звона в ушах. Тишина. Только дождь и совсем далеко ускакавшие слепые собаки. А может, мой противник тоже подобрался ближе? Сидит сейчас за этим же деревом, только с другой стороны.

От этой мысли стало и вовсе не по себе. Так близко смерть подпускать нельзя. А он... Стоп! Сидит он за деревом или за фургоном — не важно. Он ведь не железный. Он ведь тоже человек. Значит, в его башке тоже крутятся мысли. Он так же вслушивается в дождь и думает, куда я подевался. И у него тоже сдают нервы. Вопрос только в том, у кого они сдадут раньше.

Я глубоко вдохнул, сосчитал до трех и медленно выдохнул. Ждать и слушать. Главное — не прозевать момент.

Сколько я так просидел под деревом, не знаю. Возможно, минуту, возможно, десять, возможно — час. По ощущениям, так прошла вечность. Причем прошла она в мучениях. Ничего не происходило. Только смолкли вдали собаки, да чуть сильнее зашептал дождь. Я уже был готов

выскочить и расстрелять всю обойму в белый свет, когда по ту сторону ствола что-то шелохнулось. Словно палые листья тихонько поддали ногой.

В ушах снова зазвенело от напряжения. На секунду показалось, что ослышался, но нет. Ближе и громче хрустнула придавленная ботинком ветка. Я до боли вжался спиной в дерево.

Через мгновение правее, в нескольких шагах от меня, появился ствол автомата. Замер, словно принохиваясь, а потом показался и сам стрелок. Он не видел меня. Он высматривал меня совсем в другом месте. Он ждал, что я выскочу из-за бетонных блоков и начну стрелять по вагону. Он крался, чтобы застать меня врасплох.

Я не окликнул. Зачем лишние слова? Рука беззвучно подняла БП. Палец беззвучно нажал на спуск. Выстрел тоже был почти неслышным. «Бэпэшка» — дивная вещьца. Этот пистолет разработали в шестидесятых годах прошлого века. На вооружение поставили, кажется, в 67-м. Причем работали с этим оружием военные разведгруппы и гэбэшники. А все дело в глушителе. Он у БП состоит из двух частей, благодаря чему насадок легко снимается и мгновенно ставится обратно. Бесшумное оружие. А здесь лишний шум никому не нужен.

Пуля вошла в затылок. Хрипатый неуклюже кувыркнулся вперед, клюкнул носом землю и застыл. Стало совсем тихо. Только дождь продолжал сыпать мелкой моросью.

Я опустил пистолет, достал ПДА и нажал кнопку запуска. Вокруг не было ни единой живой души. От чего сделалось не по себе еще больше, чем когда выжидал за деревом хрипатога. Да, разумеется, тогда рядом со мной был человек, который хотел убить меня. Но это был живой человек. А теперь я остался один на один с Зоной. Кто-то говорит, к этому можно привыкнуть. Врут. Я здесь шесть лет и до сих пор не привык. А те, кто кричал, что привыкли, уже не топчут Зону.

Хрустнуло застывшее колено. Отсидел. Сунув пистолет за пояс, я подошел к хрипатому и быстро обшарил его

карманы. Ничего особенного. Патроны, бинт, нож и наполовину опустошенная мягкая пачка крепкой «Явы». И «капли». Довольно распространенный артефакт. Хотя на халаву, говорят, и укус пьется.

Я снял с пояса контейнер, поставил перед собой. Сухо щелкнули запоры. «Капли» легли в последнюю свободную ячейку. Неплохо прошелся. Живой и с серьезным уловом. Пристегнув контейнер обратно, я подхватил АК. Хрипато-то он, один пень, уже не понадобится. А вот нож, бинт и сигареты остались покойному хозяину. Не мародер же я, в самом-то деле? И трупы его подельников обыскивать тоже не стал. Достаточно было одного взгляда. Моя граната легла удачно. Настолько удачно, что ковыряться в том месиве, которое она устроила, мне совсем не хотелось. Я не чистоплюй, но противно. Да и необходимости нет.

На одно плечо легли лямки сброшенного, пока улепетывал от преследователей, рюкзака. Второе перетянул ремень трофейного АК. Н-да, топать будет тяжеловато.

На экране ПДА по-прежнему царил покой. Ни единой живой души. Я снова вслушался. Зона молчала, словно притаившись до поры. Только шуршал противный тяготивный дождь. Чертова морось. Эта уж если зарядила, то, как пить дать, на пару суток.

По спине побежали мурашки. Капли дождя противно скатывались за шиворот. Я поднял капюшон, слетевший во время перестрелки, зябко повел плечами и пошел прочь. Очень хотелось бежать отсюда без оглядки. Но в Зоне не бегают. В противном случае проще было дать себя застрелить. Хрипатый, хоть и сволочь распоследняя, порешил бы быстрее и гуманнее, чем Зона.

Часть первая
ХЛЮПИК

1

По традиции оружие я оставил наверху. И теперь, топая вниз по лестнице, чувствовал себя голым. Утешало лишь то, что другие посетители в таком же положении.

Гул было слышно еще на верхнем пролете. В баре «Сто град» всегда гудит наслоение десятков что-то бормочущих голосов. Это такая же неотъемлемая часть местного колорита, как закрученная лестница и вечно недовольный охранник на входе. Здесь может быть шумно, а может быть тихо, но галдеж в этих стенах — в любое время суток. Что, в общем-то, немудрено. Бар в Зоне — вещь не сказать, что заурядная. «Сто град», конечно, не единственное заведение в своем роде, но если кому-то показалось, что кабаки здесь натканы, как в Москве на Тверской, спешу расстроить: ничего подобного. Хотя сравнение так себе. Москалей вроде меня тут не так много. А отдельные товарищи могут и в рыло дать за подобные параллели.

Вообще, получить тут по соплям — плевое дело. Открываешь рот, говоришь «добрый день» — и этого уже бывает достаточно. А дальше как в том анекдоте: так, слово за слово, получил ежик по морде. Я предпочитаю молчать.

Впрочем, бармену пожелать доброго дня — это святое. Я свернул в сторону от лестницы, метнулся мимо злобного охранника. У этого хмыря явно комплексы. Эдакий маленький человечек, получивший некое подобие власти и упивающийся этим подарком судьбы. Не припомню случая, чтобы он не поторопил проходящего мимо или не рявкнул на замешкавшегося в дверях посетителя. Удовольствие он от этого получает, что ли?

Нет, такие в Зоне долго не живут. Разве что охраняют заведение типа «Ста град», которое и в охране-то не нуждается.

Не особо прислушиваясь к тому, что пробурчал недовольный сидячий комплекс, я прошмыгнул в зал и поспешил к стойке. Говорить мне тут не с кем, да и незачем. Я уже несколько лет стараюсь поддерживать минимум отношений с людьми, и жить от этого стало значительно легче.

Конечно, меня тут знают. Нельзя жить рядом с людьми и быть совсем уж незаметным. Но для большинства я представляю не больший интерес, чем, скажем, табурет. Почти для всех. Разумеется, есть исключения. Бармен, например.

— Добрый день, — позвал я негромко.

Бармен повернулся.

— День, — бесцветно отозвался он, потом сощурился.

На лице мелькнуло узнавание, и голос приобрел более-менее живой оттенок:

— Это ты, Угрюмый? Проходи, поговорим.

Я молча нырнул за стойку. Бармен жестом позвал за собой, хотя я бывал здесь не раз и прекрасно знал, куда идти: к задней, неприметной из общего зала двери. Дверь распахнулась прежде, чем мы до нее дошли. В проеме появился молодой парень с напряженным от натуги лицом. И было отчего напрячься — на вытянутых руках парнишка тащил три поставленных друг на дружку ящика с водкой.

Бармен отступил, пропуская паренька.

— Тут поставь, Сынок, — велел он парню.

Тот кивнул.

— И не таскай столько, надорвешься.

Парень снова коротко кивнул в ответ.

— И постой за стойкой малость. — Голос бармена вдруг стал благодушным. — Мне с Угрюмым перетереть надо.

Сынок послушно опустил на пол ящики, отодвинув их ближе к стене с прохода, и шагнул к стойке. Бармен расплылся в гордой улыбке и даже придержал мне створку. Короткий темный коридорчик привел к еще одной двери — помассивнее и посерьезнее. Около нее бармен остановился и принялся ковырять замок, встав так, чтобы мне не было видно, чего он там делает и нажимает. Обычная процедура.